

УДК 81'272
ББК 81.001.2

И.П. Амзаракова, В.А. Савченко

**ПРОБЛЕМА ИНВАРИАНТОВ КУЛЬТУРЫ
В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РЕГИОНА)***

В статье рассматриваются и сопоставляются такие понятия лингвокультурологии, как инвариант, константы культуры, лингвокультурные концепты, стереотипы и др. Делается обзор основных констант и концептов немецкой и русской культур. Намечаются задачи исследования культурных инвариантов в контексте социальной действительности региона.

Ключевые слова: константы культуры; лингвокультурный концепт; языковое сознание; менталитет; этнокультурный стереотип.

I.P. Amzarakova, V.A. Savchenko

**CULTURAL INVARIANTS IN A MULTICULTURAL REGION
IN THE SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE**

The article focuses on invariant, universals of culture, cultural concepts, stereotypes and other notions of intercultural communication. It gives a review of major semantic universals and concepts of the Russian and German cultures. We also attempt to come to grips with the problem of linguistic representations of a minor regional culture functioning within a major national culture.

Key words: universals of culture; cultural concept; language cognition; mentality; ethno-cultural stereotypes.

Обращение к обозначенной в названии статьи теме связано с особенностями социокультурной ситуации в Республике Хакасия. Сосуществование в тесном контакте представителей более ста национальностей (по переписи 2002 года их насчитывается 106), наличие двух официальных языков (русский и хакасский), значительных по численности этнических диаспор, все увеличивающегося количества мигрантов приводит к проблемам в межкультурном общении. Особый интерес в рамках разработки проблемы представляет немецкая культура, поскольку 1,7% населения республики представляют российские немцы. Менталитет и культурная идентичность – понятия взаимосвязанные. И то, и другое находит свое выражение в языке. В статье представлена попытка обобщить теоретические вопросы, связанные с проблемами межкультурной коммуникации, осветить степень разработанности данных проблем в отечественной и зарубежной лингвистике, выявить основные константы немецкой культуры, сформулировать задачи исследования.

Интерес к лингвистической репрезентации культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, символов, верований, бытующих в обществе, является характерной чертой антропоцентрической парадигмы гуманитарных исследований. Современную ситуа-

---

* Исследование осуществлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Государственный контракт № 02.740.11.0374).

цию в мире можно охарактеризовать как культурный плюрализм. Исследователи отмечают, с одной стороны, поразительное разнообразие культур, сосуществующих в одно и то же время в разных уголках мира. С другой стороны, благодаря быстрому обмену информацией, идеями, знаниями и т. д., культуры сближаются и интегрируются, что, однако, не всегда является гарантом успешной коммуникации и дружественных межличностных и межгосударственных отношений. Исследование причин неудач в общении представителей разных культур вызвало к жизни такое направление в культурологии, этнографии и лингвистике, которое получило название межкультурной коммуникации.

Исследование культурных инвариантов в контексте региональной культуры с необходимостью предполагает социолингвистический подход, непосредственно связанный с проблемой взаимодействия (интеракции, в широком смысле слова) в обществе, способный объяснить коммуникативное и речевое поведение через анализ социально-культурной идентичности.

Сущность социолингвистического подхода к межкультурной коммуникации раскрывают Ю. Цзя и С. Цзя на примере китайской культуры [Цзя, 2009]. Его предпосылкой авторы считают, вслед за Джоном Гамперцем, коммуникативную обусловленность социальных и национально-культурных идентификаций. Чтобы понять проблемы идентичности, необходимо проникнуть в суть коммуникативных процессов, при которых они возникают. Обширные межкультурные контакты не могут автоматически гарантировать эффективную коммуникацию; напротив, они могут усугубить социальные и культурные различия и создать разобщение [Указ. соч. с. 10]. Можно согласиться с выводом авторов о том, что только при рассмотрении культуры как теоретической переменной возможно выявить и описать различия языкового поведения, включая стили организации дискурса [Там же. с. 12]. Отталкиваясь от принципа лингвистической относительности Сепира/Уорфа, Ю. Цзя и С. Цзя вводят понятие социолингвистической относительности, согласно которому у каждой культуры есть свои собственные уникальные системы ценностей, свои собственные условности и нормы для пользования языком, которые формируют основные принципы, программирующие способ мышления и поведения.

Таким образом, задача лингвиста на современном этапе развития науки состоит в том, чтобы «установить системные (причинно-следственные и другие) связи между признаками, составляющими своеобразие той или иной лингвокультуры» [Карасик, 2005, с. 5]. Своеобразный код культуры может быть «объективно установлен на основе анализа значений слов и выражений, коммуникативных стереотипов и прецедентных текстов» [Там же. с. 6].

При этом имеется в виду не только вербальная часть коммуникативного поведения, но и невербальная, которая отражает эмоциональную сторону общения и закладывается в процессе инкультурации¹, являясь в значительной степени рефлексивной, несознаваемой.

Исходной посылкой в попытках найти приемлемую схему описания культур является представление об антропоцентричности культуры: культуры нет и не может быть вне человеческого общества. Как отмечает В.А. Маслова, «культура прививает человеку определенный набор ценностей, в оригинальности которого и заключается оригинальность культуры». Языковая информация о системе ценностей показывает особенности мировосприятия народа [Маслова, 2008, с. 148]. Среди ценностей можно выделить *универсальные*, общечеловеческие (жадность, предательство, трусость и т.д.), и *идеоэтнические*, национальные ценности. Культурные ценности, в свою очередь, отражены в основных константах культуры и национальных концептах.

¹ Отметим, что межкультурные различия имеют место и в понимании терминов, относящихся к сфере культуры и социологии. Так, в отечественной социальной психологии и культурологии инкультурацией называют процесс приобщения человека к этнической культуре своего народа, а процесс взаимного влияния культур разных этносов называют аккультурацией (см.: [Садохин 2006, 276–277]). В европейской научной традиции понятие аккультурации относят к членам одного культурного сообщества. Ср.: [Akkulturation ist] die Erlernung und Aneignung kultureller Werte, Symbole, Rituale und Symbolsysteme im Zuge des Sozialisationsprozesses innerhalb einer Kultur. Die Akkulturation betrifft alle Angehörigen einer Kulturgemeinschaft [Lüsebrink, 2004, с. 130].

Возникает целый ряд терминов, которыми ученые пытаются передать сущность мельчайшей понятийной единицы, связывающей язык и культуру. Человек с его биопсихосоциальной природой, будучи наделенным сознанием, структурирует и формирует культуру в соответствии со своим типом восприятия, является, таким образом, биосоциокультурным существом. Он категоризирует мир посредством слова, через стереотипизацию опыта. Э. Хирш говорит в этом смысле о ментально-культурных схемах, Ю.Е. Прохоров о национальных социокультурных стереотипах. Представление о том, что любой национальный язык как сгусток культуры содержит в себе набор единиц культурной информации, определяющей национальную культуру, привело к возникновению таких понятий, как мема (Р.Докинс), лого-эпистема (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова). По сути, все эти понятия сводятся к разновидностям концептов, могут быть названы константами, или культурными инвариантами.

Инвариант как универсальная категория, свойство системы сохранять неизменное постоянство в процессе преобразований используется применительно к культуре «как общая идея по отношению к множественным определениям культуры» [Зинченко, 2007, с. 216]. Выделение инварианта, отмечают далее авторы цитированной работы, позволяет построить теоретические основы межкультурной коммуникации на базе системно-структурного подхода [Там же]. Так, известный культуролог Г. Гачев рассматривает культурные инварианты, которые базируются вокруг триады Космо-Психо-Логос как единства «тела» (природы), души (национальный характер) и духа (склада мышления, типа логики) [Гачев, 1993, 2007, 2008, 2008a].

Константы культуры, или базовые концепты, связаны с понятием менталитет. *Менталитет* – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, «склад ума», «склад души» народа; менталитет представляет собой психо-лингво-интеллект разномасштабных лингвокультурных общностей. В.А. Маслова обращает внимание на то, что менталитет «лингвокультурного сообщества обусловлен в значительной степени его картиной мира» [Маслова, 2007, с. 62], а именно языковой, наивной, но не концептуальной картиной мира.

Каждая из этих картин мира – уникальная субъективная репрезентация действительности, включающая объекты как непосредственной, так и опосредованной реальности, к которой относятся такие компоненты культуры, как мифы, предания, легенды, религиозные воззрения и т.д. [Маслова, 2008, с. 136]. Образы, представления, ситуации из артефактов культуры входят в языковое сознание, что находит отражение в лингвокультурологических и тезаурусных словарях [Степанов, 1997, 2004; Русское культурное пространство, 2004].

Понятие менталитет часто связывают с понятием национального характера, который, по мнению некоторых ученых, не может претендовать на статус строгого лингвистического (лингвокультурологического) термина.¹ Всякий раз, пытаясь дать характеристику чужой этнокультурной общности, мы попадаем в плен собственной этноцентричности, т.е. смотрим на другую культуру сквозь призму своего языка. Попытки описать национальный характер, выделить типическое, приводят к использованию стереотипов.

Под *стереотипом* понимается упрощенный и эмоционально окрашенный шаблон, сложившийся в результате социальных условий и феноменологического опыта (см.: [Захаренко, 2003, с. 608; Косяков, 2009, с. 3]). В. А. Косяков отмечает, что стереотип имеет схожие функции с прототипом, но отличается от него структуральным типом знаний, лежащих в его основе [Косяков, 2009, с. 4]. Стереотип имеет много общего также с понятием архетипа. Только если архетип обобщает типовой опыт ряда поколений, то стереотип является более изменчивой категорией, это обобщение индивидуального опыта членов социума в отношении другого социума или этнической общности. Архетип, по С. С. Аверинцеву, «это не образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность» [Аверинцев,

¹ Герхард Малецке аргументирует некорректность термина «национальный характер» тем, что нельзя обобщенно говорить о «немце, французе, русском или японце», ведь есть немцы, которые «более французы, чем француз, и французы, которые более немцы, чем немец» [Maletzke, 1996, с. 45; перевод наш – И.А.]. Между тем, своим высказыванием Г. Малецке подтверждает существование обобщенного образа соответствующего этнонима.

1998, с. 110]. В случае же межкультурного взаимодействия речь идет об этнокультурных стереотипах как готовых формах поведения и восприятия, частично облегчающих, но в то же время и затрудняющих интерпретацию и идентификацию «чужого» на фоне «своего». Ср. с определением стереотипа, данным Гордоном Олпортом, которым понимал его как «преувеличенное мнение, ассоциируемое с той или иной категорией» [Хьютон, 2009, с. 29].

Значение стереотипов для изучения и понимания иноязычной культуры нельзя отрицать. Путем анализа стереотипных представлений о национальных характерах через анализ коннотаций этнонимов можно получить доступ к языковому сознанию (см. приводимые И. М. Кобозевой данные об этнонимах «немец», «англичанин», «француз», «русский»: [Кобозева, 2000, с. 189–196], а также: [Шастина, 2009]).

Противопоставление понятий «свои» и «чужие» является важным моментом для исследования культуры и установления культурных инвариантов. Оно пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения [Степанов, 2004, с. 126–143]. Принцип «свои» и «чужие» разделяет семьи, религии, нации, государства и т.д. От стереотипа поведения зависит идентификация личности и этноса. Совпадает стереотип поведения, считает Ю.С. Степанов, именно это и есть определяющий динамический признак этноса [Степанов, 2004, с. 128].

Для исследования социального и культурного взаимодействия в аспекте межкультурной коммуникации важны понятия национальных и культурных концептов. Именно через их идентификацию можно выйти на культурные различия и обнаружить элементы взаимовлияния. Рассмотрим некоторые виды концептов.

Национальный концепт, по мнению В. В. Красных, это «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 1998, с. 130].

Авторы коллективной монографии «Иная ментальность» считают, что для лингвокультурного моделирования мира может использоваться *лингвокультурный концепт*, под которым понимается «сложное многомерное ментальное образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты»? отражающие социокультурную и этнокультурную специфику действительности [Карасик, 2005, с. 100–101]. Концепт в культуре – это, на наш взгляд, такой концепт, который отражает специфику данной культуры, является ее национальным маркером. В немецкой культуре таким национальным маркером может являться, например, концепт «Ordnung».

Одним из самых распространенных подходов к описанию лингвокультуры является анализ *ключевых*, или *базовых*, концептов [Вежбицкая, 2001]. Их языковая репрезентация позволяет заглянуть в глубины языкового сознания человека. Е. В. Урысон, анализируя русскую языковую картину мира, исходит из того, что семантическая система рисует модель человека, отличающуюся от естественнонаучного представления об устройстве человеческого тела [Урысон, 2003, с. 19–20]. В своем исследовании она вскрывает представления человека о «невидимых органах» (душа и сердце, ум, разум, рассудок и интеллект, совесть, память, слух и зрение, воля, способности, чувства), о «невидимых субстанциях» внутри человеческого тела (дух, душа, силы, энергия, терпение), подчеркивая роль аналогии в формировании данных концептов [Указ. соч.].

Исследователи выделяют различное количество концептов. Часть из них, как наиболее существенные, организуют само *концептуальное пространство* и выступают как главные рубрики его членения [Арутюнова, 1991]. К таким концептам, обозначенным как константы и представляющим собой «некий постоянный принцип культуры» (Ю.С. Степанов, С. Г. Проскурин), относятся Время, Пространство, Число, Жизнь, Смерть, Свобода, Совесть, Вера, Любовь, Радость, Истина, а также Счет, Письмо, Алфавит [Маслова, 2008, с. 94].

Перечисленные концепты можно считать базовыми, присутствующими в культуре и имеющими в каждой культуре свою языковую онтологию. Таким образом, под *константами культуры* понимаются концепты, которые появляются в глубокой древности и прослежива-

ются на протяжении веков, отражаясь во взглядах мыслителей, в текстах писателей и речи рядовых носителей языка вплоть до наших дней.

Ю. С. Степанов выделяет в своем «Словаре русской культуры» [Степанов, 1997, 2004] более сорока базовых концептов. Для русской культуры он называет следующие константы: Вечность, Мир, Время, Огонь и Вода, Хлеб, Действие, Ремесло, Слово, Вера, Любовь, Радость, Воля, Правда и Истина, Знание, Наука, Число, Счет, Письмо, Алфавит, Закон, Свои и Чужие, Цивилизация, Человек, Личность, Душа, Мир (община), Совесть, Нравственный закон, Мораль, Деньги, Бизнес, Страх, Тоска, Грусть, Печать, Грех, Дом, Уют, Язык.

Немецкая лингвокультура исследуется как в отечественной германистике, так и в немецкоязычном европейском ареале. Примечательна в этом отношении изданная в Германии коллективная монография «История европейского менталитета» (Europäische Mentalitätsgeschichte, Stuttgart, 1993), в которой прослеживается развитие и изменение культурных ценностей по трем основным этапам европейской истории – в античности, в средние века и в Новое время [Dinzelbacher, 2008].

В монографии представлена эволюция 16 констант культуры: *Individuum / Familie / Gesellschaft* (Индивидуум / Семья / Общество); *Sexualität / Liebe* (Секс/Любовь); *Religiosität* (Религиозность); *Körper und Seele* (Тело и Душа); *Krankheit* (Болезнь); *Lebensalter* (Возраст); *Sterben / Tod* (Смерть); *Ängste und Hoffnungen* (Страхи и надежды); *Freude, Leid und Glück* (Радость, Странствие и Счастье); *Arbeit und Fest* (Работа и Праздник); *Kommunikation* (Коммуникация); *Das Fremde und Das Eigene* (Свое и Чужое); *Herrschaft* (Власть); *Recht* (Право); *Natur / Umwelt* (Природа/Окружающий мир); *Raum* (Пространство); *Zeit / Geschichte* (Время/История).

Другой немецкий культуролог, Ханс-Дитер Гельферт, выделяет 30 этнокультурных концептов, представленных опорными словам (Urworte), отражающих немецкую языковую картину. Это: *Heimat* (Родина), *Gemütlichkeit* (Уют), *Geborgenheit* (Защищенность), *Feierabend* (Конец рабочего дня / Переход от работы к отдыху), *Verein* (Союз), *Ordnung* (Порядок), *Pünktlichkeit* (Пунктуальность), *Sauberkeit* (Чистота), *Sparsamkeit* (Бережливость / Экономность), *Tüchtigkeit* (Дельность / Деловые качества), *Fleiß* (Прилежание), *Ernsthaftigkeit* (Серьезность), *Gründlichkeit* (Основательность), *Pflicht* (Долг / Обязанность), *Treu' und Redlichkeit* (Верность и Честность / Добросовестность), *Schutz und Trutz* (Оборона и Наступление), *Innigkeit* (Искренность / Сердечность), *Einfalt* (Наивность / Простота), *Weltschmerz* (Мировая скорбь), *Sehnsucht* (Тоска), *Tiefe* (Глубина), *Ursprung* (Начало / Истоки), *Wesen* (Существо / Нрав / Сущность), *Ehrfurcht* (Уважение / Почтение), *Tragik* (Трагизм), *Totalität* (Тотальность / Цельность), *Das Absolute* (Абсолютное), *Staat* (Государство), *Wald* (Лес), *Weihnacht* (Рождество) [Gelfert, 2005, с. 3].

Следует подчеркнуть, что исследование культурных инвариантов и их вариаций в рамках нашей работы ограничивается синхронным срезом, в то время как историческая изменчивость данных понятий нами не оспаривается. Между тем мы признаем, что бинарные оппозиции типа Душа – Тело или Юность – Старость, будучи культурно значимы в синхронном срезе, в прошлом могли иметь культурную ценность, прямо противоположную сегодняшней.

В.И. Карасик отмечает важность составления концептуария культуры и необходимость моделирования концептов по единому плану [Карасик, 2005, с. 91]. Среди исследованных культурных концептов немецкой нации можно назвать следующие: *Höflichkeit* [Романова, 2007], *Trauer, Freude* [Адамова, 2007; Красавский, 2008;], *Pünktlichkeit* [Карасик, 2005, с. 203–256], *Sicherheit, Furcht, Angst, Ordnung* [Вежбицкая, 2001], она же о культурных сценариях *Verboten, Achtung* [Вежбицкая, 2001]; *Ordnung* [Bausinger, 2005], *Jugend* [Погораева, 2002], *Liebe/Hass* [Борисова, 2004], *Leben/Tod* [Мишуткина, 2004], *Das Gute/Das Böse* [Пашаева, 2004], *Schicksal* [Годжаева, 2008], *Persönlichkeit* [Ставина, 2008], *Volk* [Хохлов, 2009] и целый ряд других работ последнего десятилетия по эгоцентрическим категориям Иркутской лингвистической школы. Обобщающее описание германского и австрийского менталитета находим у В.Г. Зусмана [Зусман, 2001].

Анализ социальной действительности – необходимое условие для идентификации взаимодействия и взаимовлияния культур. Поэтому на первом этапе исследования следует выяснить отношение представителей разных культур, проживающих на территории республики, к общекультурным ценностям, таким, как: Язык – Коммуникация; Природа – Общество; Семья – Власть; Отношение к детям – Отношение к старшим; Образ «Я» и образ «Другого»; Время (монокронная/полихронная культура) – Пространство (жилище, его форма, открытость/замкнутость и пр.). В этом отношении нельзя не упомянуть ценное для нас исследование А.П. Боргояковой, объектом которой стала национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан [Боргоякова, 2002] (см. также исследование бурятского языкового сознания: [Шойсоронова, 2006]).

В концепт «Коммуникация» входит такая значимая категория, как вежливость, представленная в разных языках различными формами и структурами. Так, у американских индейцев нутка есть специальный вариант языка для разговора с увечными и с иностранцами. В китайской культуре принято всячески преуменьшать себя и возвеличивать собеседника [Попова, 2007, с. 371] (см. также: [Цзя, 2009, с. 17]). Разные формы обращения к родственникам, знакомым и незнакомым людям, к старшим и младшим по возрасту демонстрируют особенности картины мира, отраженные в *языковом сознании*.

Поэтому сопоставительное изучение местоименных форм обращения в разных этнокультурных сообществах представляет особый интерес. В них отражается видение элементарной коммуникативной модели сквозь призму языка. Например, в вежливой форме местоимения русского языка отразился количественный параметр (вы – Вы); в немецком языке почтение сигнализируется через увеличение дистанции (sie – Sie / они – Они); в английском местоимения *ты* и *вы* в обращении не разделяются, сливаясь в единое *You*. Есть социальная дифференциация местоименного обращения и в тюркских языках.

Важной задачей исследования, исходящей из особенностей поликультурных условий региона, является выявление языковых средств, репрезентирующих аспекты культуры в языковом сознании немцев Германии, и выявление отношения к данным аспектам российских немцев, проживающих на территории Республики Хакасия.

В качестве основных концептов, позволяющих описать немецкую культуру на фоне русской и других этнокультур, мы предварительно выбираем следующие: *Heimat* (Родина), *Gemütlichkeit* (Уют), *Ordnung* (Порядок), *Pünktlichkeit* (Пунктуальность), *Sauberkeit* (Чистота), *Sparsamkeit* (Бережливость / Экономность), *Tüchtigkeit* (Дельность / Деловые качества), *Fleiß* (Прилежание), *Ernsthaftigkeit* (Серьезность), *Gründlichkeit* (Основательность), *Pflicht* (Долг / Обязанность).

На основе сказанного формулируем задачи:

- изучение социальной действительности республики и описание особенностей этнокультурной идентичности членов социума;
- выявление и описание инвариантов немецкой культуры;
- выявление в немецкой культуре ее собственных социолингвистических условностей и норм для пользования языком, отличающих ее от других культур;
- выявление роли языкового поведения в реализации культурной и социальной идентичности;
- систематизация константных принципов построения артефактов немецкой культуры;
- выявление полевой структуры немецких культурных инвариантов.

Понять Другого – очень важная социально-культурная проблема. Выявление характера взаимодействия разных языковых сознаний, обусловленных этнокультурной спецификой мышления, будет способствовать, на наш взгляд, гармонизации отношений как в регионе, так и в мировом сообществе.

Библиографический список

1. *Аверинцев, С. С.* Архетипы / С. С. Аверинцев [Текст] // Мифы народов мира: энциклопедия. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – Т.1. – С. 110–111.
2. *Адамова, М.В.* Семантически сопряженные категории FREUDE и TRAUER и их актуализация в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.В. Адамова. – Иркутск, 2007.
3. *Арутюнова, Н.Д.* Истина: фон и коннотация [Текст] // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
4. *Боргоякова, А.П.* Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.П. Боргоякова. – М., 2002.
5. *Борисова, И.В.* Семантика эгоцентрических категорий : LIEBE, HASS и их актуализация в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Борисова. – Иркутск, 2004.
6. *Вежицкая, А.* Понимание культур посредством ключевых слов [Текст] / Анна Вежицкая; пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001.
7. *Вежицкая, А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежицкая; пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001.
8. *Гачев, Г.Д.* Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) [Текст] / Г.Д. Гачев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1993.
9. *Гачев, Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. : Академический Проект, 2007.
10. *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экспериментальной культурологии [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. : Логос, 2008.
11. *Гачев, Г.Д.* Ментальности народов мира [Текст] / Г.Д. Гачев. – М. : Алгоритм. Эксмо, 2008а.
12. *Годжаева, Н.С.* Актуализация концепта SCHICKSAL в немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.С. Годжаева. – Иркутск, 2008.
13. *Цзя, Ю.* Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации [Текст] / Ю. Цзя, С. Цзя // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №1. – 2009. – С. 9–28.
14. *Елохова, Г.В.* Семантика эгоцентрических категорий: PFLICHT и ее актуализация в современном немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.В. Елохова. – Иркутск, 2006.
15. *Зинченко, В. Г.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие [Текст] / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – М. : Флинта : Наука, 2007.
16. *Зусман, В.Г.* Немецкое [Текст] / В.Г. Зусман // Межкультурная коммуникация : учеб. пособие. – Нижний Новгород, с. ДЕКОМ, 2001.
17. *Карасик, В.И.* Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005.
18. *Кобозева, И.М.* Лингвистическая семантика, с. учебник [Текст] / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000.
19. *Косяков, В.А.* Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.А. Косяков. – Иркутск, 2009.
20. *Красавский, Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] : монография / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008.
21. *Красных, В.В.* От концепта к тексту и обратно [Текст] // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1998. – № 1.
22. *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта, с. Наука, 2007.
23. *Маслова, В.А.* Современные направления в лингвистике [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2008.
24. *Мишуткина, И.И.* Семантически сопряженные категории LEBEN и TOD и их актуализация в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Мишуткина. – Иркутск, 2004.
25. *Пашаева, И.В.* Семантически сопряженные категории DAS GUTE и DAS BÖSE и их актуализация в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Пашаева. – Иркутск, 2004.
26. *Погораева, Е.А.* Концепт JUGEND и его языковая онтология в лексико-семантической системе современного немецкого языка: лингвокультурологический и социолингвистический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Погораева. – Иркутск, 2002.
27. *Попова, З.Д.* Общее языкознание : учеб. пособие [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007.
28. *Романова, Е.В.* Этический аспект немецкого обиходного языка [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Романова. – М., 2007.
29. *Садохин, А.П.* Межкультурная коммуникация: учеб. пособие [Текст] / А.П. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2006.

30. Ставина, Н.А. Концепт PERSONLICHKEIT и его актуализация в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Ставина. – Иркутск, 2008.
31. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
32. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект, 2004.
33. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е.В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003.
34. Хохлов, Д.В. Лингвоидеологический концепт VOLK: генезис и актуализация в немецком политическом дискурсе XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д.В. Хохлов. – Иркутск, 2006.
35. Хьютон, С. Управление стереотипами в межкультурной коммуникации [Текст] / Стефании Хьютон // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №1. – 2009. – С. 29–32.
36. Чижова, Х.А. Семантика эгоцентрических категорий: генезис и актуализация категории GEWISSEN в немецком языковом сознании [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Х.А. Чижова. – Иркутск, 2006.
37. Шаманская, М.А. Языковая репрезентация концептов MANN и FRAU [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.А. Шаманская. – Иркутск, 2006.
38. Шастина, И.А. Языковая категоризация этнической принадлежности (когнитивно-аксиологический аспект) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.А. Шастина. – Иркутск, 2009.
39. Шойсоронова, Е.С. Языковая личность, с. этнический аспект (на материале бурятской языковой личности) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.С. Шойсоронова. – Улан-Удэ, 2006.
40. Dinzelbacher, P. (Hg.) Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen [Text] / Peter Dinzelbacher (Hg.). – 2., durchges.und ergänzte Auflage. – Stuttgart& Kröner 2008.
41. Bausinger, H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? [Text] / Hermann Bausinger. – 4. Aufl. – München, c. Beck, 2005.
42. Gelfert, H.-D. Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind [Text] / Hans-Dieter Gelfert. – München, c. Verlag C.H. Beck, 2005.
43. Lüsebrink, H.-J. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer [Text] / Hans-Jürgen Lüsebrink. – 2., aktualisierte u. erweiterte Aufl. – Stuttgart; Weimar, c. Verlag J.B. Metzler 2008.
44. Maletzke, G. Interkulturelle Kommunikation: zur Interpretation zwischen Menschen verschiedener Kulturen [Text] / Gerhard Maletzke. – Opladen, c. Westdt. Verl., 1996.

УДК 81'367.622.12=133.1(045)

ББК 81.2Фр.

Н.В. Боровикова

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЗНАК В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Написание статьи продиктовано особым вниманием современной лингвистической науки к имени собственному. В статье делается попытка решить проблемы связи имени собственного – антропонима и его носителя и значения имени собственного – антропонима. В связи с этим раскрывается природа имени собственного – антропонима как знака, и поэтапно рассматриваются изменения, имеющие место в процессе функционирования имени собственного – антропонима в языке и в речи.

Ключевые слова: имя собственное; теория знака; значение; теория референции; текст.

N. Borovikova

THE PROPER NOUN AS A SIGN IN LANGUAGE AND SPEECH

The article deals with the proper noun which modern linguistics pays a special attention to. I attempt to distinguish between the referent and the meaning of anthroponymic sign. The mechanism of their connection has been discerned in the essence of the proper noun as a sign. There is a stage-by-stage approach to the changes which the anthroponym has got in language and speech is also in the focus.

Key words: proper noun; theory of sign; meaning; theory of reference; text.

С древних времен внимание мыслителей приковано к имени собственному. Оно изучается многими науками и дисциплинами, в том числе и лингвистической. Актуальность исследований имени собственного – антропонима обусловлена постоянным интересом человека к самому себе, а также важностью развития антропоцентрической направленности современной науки.

Целью настоящей статьи является попытка рассмотреть взаимосвязь имени собственного – антропонима и его носителя, а также определить состав значения имени собственного – антропонима на различных этапах его развития в процессе функционирования в языке и в речи.

Имя человека сопровождает всю его жизнь с рождения. Оно является своеобразным заменителем человека, его представителем, как в узком семейном кругу, так и в более широких сферах общения, в официальных документах и т.д. [Степанов, 2002, с. 172–179]. Данная функция – выступать в качестве заменителя объектов действительности – свойственна знакам [Никитин, 2003, с. 122]. Поскольку имя собственное – антропоним способно служить подобного рода заменителем, оно по праву получает статус знака.

Поскольку имя собственное – это знак, следовательно, оно обладает определенным значением [Никитин, 2003, с. 115]. Вопрос о значении имени собственного вызывает широкие дискуссии в лингвистическом мире.

Одни ученые полностью отказывают имени собственному в способности иметь какое-либо значение [Милль, 1914, с. 27; Уфимцева, 1977, с. 42; Gardiner, 1954, с. 73; Vandendorpe, 1993, с. 64].

Другие считают, что имя собственное приобретает значение в речи, в конкретной ситуации, когда появляется соотнесенность с конкретным референтом. Таким образом, в составе значения выделяют только денотат как ментальное отражение референта [Wilmet, 1991, с. 113–115; Кузнецова, 2007, с. 118]. Денотативным значением наделено имя собственное в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой, М.В. Никитина [Арутюнова, 1999, с. 2–5; Никитин, 2003, с. 169–170; Падучева, 2004, с. 81–82].

Однако в настоящее время все большее число исследователей признают имя собственное полноценным знаком, то есть имеющим и денотат, и сигнификат не только на уровне речи, но и на уровне языка.

Признав полноценность имени собственного на уровне языка, ученые пытаются решить вопрос о конкретном содержании имени, а точнее, о том, какие компоненты следует отнести к денотату и/или сигнификату имени собственного.

Для С. Крипке главным является наличие в сознании говорящих образа именуемого объекта и их знание о том, что данное имя закреплено за этим объектом [Kripke, http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm].

Ряд ученых говорят об индивидуальном значении имени собственного в языке. Это значит, что каждое имя собственное представляет собой категорию, представленную одним членом и совпадающую с ним [Балли, 2001, с. 88; Чейф, 2003, с. 131; Damourette, Pichon, 1911, с. 520–522]. Следовательно, в значение включается информация, представляющая этот член.

Некоторые лингвисты строят семантическое определение имени на основе самого имени. Так, например, Ж. Клебер и его последователи считают, что имя собственное включает свернутый предикат обозначения «будучи названным именем собственным» [Kleiber, 1991].

Другие исследователи рассматривают в качестве содержательных компонентов энциклопедические знания об объекте [Суперанская и др., 1986, с. 104; Гарагуля, 2002, с. 7].

Иногда авторы довольно широко трактуют само понятие «сигнификат», приравнивая его к термину «значение» и включая в его состав денотат. К сигнификату, в этом случае, относят любую информацию, связанную с именем и его носителем [Ермолович, 2005, с. 67].

Представляется, что противоречия вызваны в основном тем, что авторы теорий воспринимают имя собственное несколько статично: как правило, анализу подвергается определенный момент, выделенный из общего процесса функционирования имени собственного. Так, в нау-

зальной теории [Kripke, [http:// socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm](http://socialistica.lenin.ru/analytic/txt/k/kripke_1.htm); Крипке, 1982] имя собственное рассматривается только в момент именованя. Как следствие, значение имени минимально и лишено способности к развитию. Те исследователи, которые широко трактуют состав значения имени собственного [Ермолович, 2005, с. 67], выпускают из поля зрения тот факт, что имя собственное существует не только во взаимосвязи с конкретным носителем.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимо проводить изучение значения имени собственного с учетом всех этапов его функционирования и развития. Позволим себе применить по отношению к подобному исследованию понятие «диахрония синхроний», разработанное в психосистематике для истории языка [Скрелина, Становая, 2001, с. 457–459]. В нашем случае мы предлагаем ввести термин «микродиахрония синхроний». «Микро» обозначает проведение исследования частного явления в языке. «Диахрония» – изучение данного явления в процессе его развития. «Синхрония» – рассмотрение изучаемого явления как единого целого на определенном этапе, синхронном срезе.

Для того чтобы имя собственное могло функционировать как знак, в сознании говорящего должны объединиться два психических образа – образ звукового/графического сигнала (экспонента [Никитин, 2003, с. 116]) и образ некоторого объекта внешнего мира, носителя имени (референта [Пиотровский, 1999, с. 43]). В этом заключается сущность знакообразования, или семиозиса [Пиотровский, 1999, с. 45–46].

Вслед за Р.Г. Пиотровским, для имени собственного, как и для любого знака, мы считаем возможным определить этапы первичного и вторичного семиозиса.

Первичный семиозис подразумевает выбор сигнала для обозначения референта и соединение их психических отражений в знаке. Подобное соединение производится двумя способами – денотативным и сигнификативным. При денотативном способе объект внешнего мира (референт) и его целостное чувственное отражение в сознании человека (денотат) связываются с произвольно взятым сигналом – именем. При сигнификативном способе сигнал – имя в своем семантико-синтаксическом построении (внутренней форме) отражает концепт, то есть смысловую детерминанту референта. Таким образом, в психическом образе референта выделяются два компонента: денотат (целостное, не расчленяемое сознанием на составляющие его части отражение – образ референта) и сигнификат, который выражает сущность референта [Пиотровский, 1999, с. 50]. Для удобства восприятия мы рассматриваем отдельно момент первого употребления имени – момент имяназачения – и последующие употребления имени для обозначения того же референта, поскольку между ними обнаруживаются некоторые различия (см. схемы).

Под вторичным семиозисом понимается создание новых окказиональных смыслов для уже существующих знаков. Этот процесс состоит в том, что над денотатом и сигнификатом первичного знака надстраиваются новые денотат и сигнификат. Источником вторичного семиозиса является коннотат, в котором концентрируются дополнительные значения, эмоционально-эстетические оттенки и ассоциации всего социума или отдельных людей [Пиотровский, 1999, с. 52].

Кроме этого, мы предлагаем отдельно рассматривать этап перехода имени собственного в имя нарицательное. Данный переход имеет место при утрате именем собственным связи с первичным референтом, что способствует его переходу в другой класс слов [Суперанская, 1978, с. 61].

Такое поэтапное рассмотрение процесса функционирования имени в рамках теории референции и теории знака позволяет разрешить противоречия, связанные со значением имени собственного, детально представить процесс развития имени собственного, а также определить, в какой момент возникает то отношение между именем и его носителем, которое принято называть референтным.

На основании теории семиозиса Р.Г. Пиотровского мы считаем возможным предположить, что на каждом из выделенных этапов имя собственное – антропоним как знак имеет